

ны. В конечном счете жизнь все-таки только сына явлений, бессмысленная, сыпная игра случая, недоступная познанию гордаго духа, упорно не желающего покориться властному равнодушию явлений.

Так смотреть на жизнь автор рецензируемой мною книги. Это мировоззрение рельефно всего сказалось на лучшем рассказе сборника «Ничего не было». Этого motifs звучит и в других рассказах А. Камenskого.

В атмосферу искусственно-созданного веселья, иллюзорного мимолетного счастья, порожаемого вином, властью протаргася она, эта, обаятельная и в глупой шутке пылкой женщины, правда, вошла и стала ужасной загадкой. Показала ее А. Каменский, и прошел дальше, недоумывающий, колебавшийся, оскорбленный. В другом, заслуживающем серьезного внимания, рассказе «Дилемма» он — тот же Каменский, обаяющий человека в его простой жизненной обстановке, мило заглядывающий в добрую человеческую душу, где таится зачатый страх перед обманной жизнью.

В другом рассказе эта обаятельная пологота и покрала человеческую душу («мебель»). А вот повесть пошлости («честир») — человеческое существование, опустившее до границы с животностью. В слабейшем рассказе сборника «Почему?» А. Каменский прямо заговорил от своего лица, сочинив для отвода глаз совершенно искусственную фигуру. К лучшим рассказам можно причислить «Игру», где немой мотив обещает в глубоко художественную форму.

Остальные рассказы слабые. А. Каменский, несомненно, молодой писатель. Что у него есть будущее — это тоже несомненно. Такое заключение можно вывести уже из двух — трех рассказов, рассматриваемого сборника. В какую сторону разовьется он, как воспользуется молодой писатель тем глубоким чувством стая, которое он обнаруживает, углубившись в его взгляд на жизнь — и незрелый pessimизм выветрится ли у него в чистое мировосприятие? Было бы больно видеть, как талант угнетен, нераскрыт, — а тому наша жизнь даст сотни примеров — от души желаю К. Каменскому сохранить его и уберечь от «грозных опасностей жизни», от которых, по словам Оскара Уайльда, защитить может искусство и только искусство.

А. Филиппов.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Лимонарь, сырцы: луч духовный. Издательство «Оры». Цена 60 коп.

Как хорошо! От бауляных, похотливых и порнографических измышлений современных баульщеловов так радостно припасть к чистым, незамутненным источникам народного творчества — таким глубоким, кристально-прозрачным, легко и упорно пробивающимся в дремучих, темных «ясах», у «звринных» троп! Заглянуть в сурово-пытанную народную мысль, властомерно претворенную чутким художником. Насладиться первобытной прелестью чистейшего, изумительно-образного, прекрасного русского зима.

Это проникновение в народную мудрость, это приближение к древне-славянскому мифотворчеству — не случайность, а знаменательное явление. И радостно. То, что раньше интересовало только узкий круг специалистов-исследователей народного творчества, теперь становится источником, свято и криво вдох-

новляющим искателей-художников. Мы устали гнаться за вымыслом, неизбывными, устали измышлять. Мы в образах так близки к ним, что, русский язык сдвигая тапым ибжнм, болизнио уточнились, чтобы воскрестить умирающую ствуетс. Нужна «живая» вода, чтобы глубь ибжнм шаренича-натуре. И вот охотит из слауо глубь ибжнм шаренича-натуре за «живой» водой. Горюденский, Ремизов. Первый еще не определился — неизвестно, что даст в будущем, найдет ли настоящую «живую» воду. Второй, кажется, нашел. Только не расписывать бы по дороге. И воду «живую» нашел Ремизов — с тем вместе себя нашел. Несравним автор вычурного, неприятного «Пруда» с автором «Послони». Слово чужие люди, совсем далекие.

А теперь дадим «Лимонарь». Чудесная книга.

«О безумии Иродиадином, как на земля зародился вакор», «Глыв Илья пророка, от него же сокрылся Господь дель памяти его», «Отчего нечестив без пять и о сотворении волка. Слово Егория, Волчьего Пастыря», «Вещица, именъ которой дй-нашть сь половецким. Изъявление», — разв не чувствуется только за от одним заглавием первобытной красоты дремучих лесов, широких степей, зеленых лугов? Не встают перед нами сдм, суровые старцы — отшельники, тонкия, бдлмды монахи, с горящим огнем глазами? Странники, странники, возмущающие Бога, ищущие правды?

«Осен. Осенины. Сине вечера.

Синимъ вечеромъ одна тайкомъ, одна тайкомъ изъ терема она
на Юрданъ.

Въ Юрданъ крестилась, тамъ полюбила.
И сердце ее отвергнуто.

Не надо ему дворцов, золота, царской дачи. Не надо серца, обрученному со Христомъ — женскому небосаму. И возлюбленн не станутъ причитать надъ ней, не поспуетъ плеча, не загонится пбжлуд, не законитъ вытнца.

Осен. Осенины. Сине вечера.

Ой, рано, рано —

Птицы изъ Ирья по небу плаваютъ —

Ой, рано, рано —

Таусени! Таусени!

Красная паниа Иродиада, доча царя, плашетъ.
И плашетъ неистово, быстро и бжншо — паниа-стрба
Плашетъ металцу, плашетъ заплвину.
Навечерье — святъ-вечеръ, ночи сказовъ, ночь».

Много таких прекрасных страниц в книге Ремизова. Воскресает славянская мифология, оживает и кривнет и роскошно заливается русский язык. Нашим «живую» воду. Чудесная книга.

Е. Янтарев.

ЕДОРЬ СОЛОГУБЪ. Стихи. Книга шестая. «Зимъ», С.-Петербургъ. 1907 года.

Сологуб принадлежит к немногим серьезным поэтам наших дней. Сологуб один из немногих прозаиков. Его скатый, ярый стиль, его глубоко пережитый pessimизм всегда вызывается в нас восхищение и почтение. Сологуб один из немногих представителей нового искусства, который никогда не